

Ostap Bender and the criminal code of the RSFSR 1926. Part I

R. G. Oganesyanyan¹

¹All-Russian State University of Justice, Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-270-279

Research article
Full text in Russian

The article attempts to conduct a legal analysis of one of the most famous works in Soviet literature – the novel "The Twelve Chairs" by Ilf and Petrov. A legal assessment of the activities of his main character, Ostap Bender, is given from the perspective of Soviet criminal legislation – the Criminal Code of the RSFSR of 1926. The topic of this article is relevant because in the Soviet period, the issues of interaction between law and fiction were not sufficiently reflected in research and presented legal conflicts, even having a fictional, imaginary character, ways to tell much more about political and social life and about people involved in various legal conflicts.

Keywords: Vorobyaninov; theft; fraud; Ostap Bender; chair; criminal code

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Oganesyanyan, Roman G. | E-mail: rgo1994@mail.ru

Остап Бендер и уголовный кодекс РСФСР 1926 г. Часть I

Р. Г. Оганесян¹

¹Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), Москва, Российская Федерация

DOI: 10.18255/1996-5648-2024-2-270-279
УДК 340.15, 343.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье делается попытка провести юридический анализ одного из самых известных произведений в советской литературе – романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Дается правовая оценка деятельности его главного персонажа, Остапа Бендера, с позиции советского уголовного законодательства – Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Актуальность статьи обусловлена тем, что в советский период вопросы взаимодействия права и художественной литературы не нашли достаточного отражения в исследованиях и представленные правовые коллизии, даже имея вымышленный, воображаемый характер, способны рассказать многое о политической и социальной жизни и о людях, вовлеченных в различные правовые конфликты.

Ключевые слова: Воробьянинов; кража; мошенничество; Остап Бендер; стул; уголовный кодекс

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Оганесян, Роман Геворгович | E-mail: rgo1994@mail.ru
Младший научный сотрудник Центра научных исследований

Уголовно-правовая наука неразрывно связана с художественной литературой. Как и искусство слова, она стремится постичь философию жизни, природу человека, мотивацию его поступков. Всматриваясь в сюжеты жизни, мастер слова старается изобразить преступника и его деяние психологически точно. Его пером создается картина преступления, выявляются мотивы действия людей в тех или иных ситуациях, зачастую незнакомых юристу в реальной жизни, но тем не менее правдоподобных и вполне возможных.

© ЯрГУ, 2024

Статья открытого доступа под лицензией CC BY (<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>)

Писательская оценка характеров и отношений важна для постижения нравов общества. Именно литература становится бесценным источником познания внутреннего мира человека, решившегося на преступление или совершившего его [1, с. 73–90]. В качестве демонстрации представленных тезисов автору хотелось бы обратиться к одному из самых известных памятников отечественной литературы – незабвенной «дилогии» Ильи Ильфа и Евгения Петрова: «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок», в особенности к деятельности главного персонажа – «великого комбинатора», потомка янычаров Остапа-Сулеймана-Берта-Марии Бендербея (Остапа Задунайского). Несмотря на то что там хватает героев, имеющих очень тесные отношения с законом, именно род его занятий характеризуется в отечественной криминологии как «криминальный профессионализм».

И непосредственно он становится в центре повествования. В то же время возникает вопрос об оценке деяний «великого комбинатора» с позиции советского уголовного законодательства. Принятие 2-й сессией Всероссийского центрального исполнительного комитета XII созыва Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. обычно связывают как с принятием Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г., так и с развитием новой экономической политики. Большинство специалистов области уголовного права называют данный кодекс правопреемником Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., поскольку при разработке его концептуальных положений законодатель основывался именно на нормах первого советского Уголовного кодекса и Основных начал. Отдельные уголовно-правовые институты получили дальнейшее развитие, а часть из них претерпела значительные изменения. Это объясняется рядом обстоятельств, в том числе использованием в качестве элемента основы социальной защиты в ее классовой интерпретации концепции социологического учения¹. Под сферу регулирования Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. попадает большинство поступков, совершенных сыном турецкого подданного, если принять во внимание тот факт, что роман был опубликован спустя три месяца после вступления в силу данного уголовного закона.

Сам Остап Бендер считал себя законопослушным гражданином: *«Я конечно, не херувим, у меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс. Это моя слабость»* [10, с. 8]. Анализ его деятельности показывает, что это высказывание можно признать соответствующим действительности только со значительной условностью. По подсчетам автора, персонаж данных романов переступил запрет примерно 12 статей Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., а преступных же эпизодов насчитывается пример-

¹ О теоретических аспектах Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. более подробно см.: [2, с. 26–35; 3, с. 1057–1058; 4, с. 52–58; 5, с. 51–59; 6, с. 75–78; 7, с. 119–121; 8, с. 583–586; 9, с. 101–118].

но в два раза больше. Да и сам персонаж в дальнейшем признавал и говорил, что «склонен к обману и шантажу». Необходимо отметить, что Остап действительно чтит Уголовный кодекс в том смысле, что большинство описанных эпизодов достаточно сложны для квалификации и в юридическом смысле могут трактоваться неоднозначно.

Одним из первых эпизодов в преступной деятельности Бендера принято считать посещение им завхоза 2-го дома Старсобеса, «голубого воришки» Александра Яковлевича (Альхена), и представление себя в качестве инспектора пожарной охраны. «Проинспектировав» богадельню и сытно пообедав «чем бог послал», а также убедившись в том, что в доме стул отсутствует, комбинатор собирался покинуть приют, однако:

«В коридоре к уходящему Бендеру подошел застенчивый Альхен и дал ему червонец».

«Это сто четырнадцатая статья уголовного кодекса, – сказал Остап, – дача взятки должностному лицу при исполнении служебных обязанностей. Но деньги взял и, не попрощавшись..., направился к выходу» [11, с. 68].

Во-первых, Остап допустил ошибку в определении статьи уголовного кодекса. На самом деле, не 114, а 118 ст. устанавливала уголовную ответственность за дачу взятки и посредничество во взяточничестве. Ст. 114, в свою очередь, устанавливала наказание судьям, которые выносили неправосудные приговоры [12, с. 33]. Данный кодекс, в отличие от редакции 1922 г., в целом смягчал ответственность за должностные преступления, в том числе за взяточничество. За получение взятки без отягчающих обстоятельств кодекс устанавливал максимум лишения свободы до двух лет, а при отягчающих обстоятельствах – минимум лишения свободы на два года. Дача и посредничество во взяточничестве карались лишением свободы на срок до пяти лет, а провокация взятки – на срок до двух лет. Во-вторых, привлечь Бендера к ответственности за получение взятки (ст. 117) не представляется возможным, т. к. в уголовном кодексе твердо было зафиксировано, что субъектом получения взятки является должностное лицо [13, с. 475–476]. Само же понятие должностного лица определялось так же, как и в Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. [14, с. 62]. В данном случае Остап не являлся должностным лицом. Кроме того, вряд ли его можно привлечь к ответственности и по ст. 169 «Мошенничество», ввиду того что, обманув Альхена относительно своей личности и имея умысел на завладение чужим имуществом – стулом, Бендер в итоге его не заполучил. Если бы стул в этот момент находился в богадельне, можно предположить, что Остап нашел бы способ изъять его в качестве пожароопасного объекта. В предложенной ситуации Остап Бендер чист перед законом.

Другим немало интересным моментом является эпизод изъятия стула у «знойной женщины – мечты поэта» Мадам Грицацуевой. Исходя из диалога между Бендером и Воробьяниновым можно сделать вывод, что Остап желает вступить с ней в фиктивный брак только лишь с одной целью – поближе рассмотреть содержимое стула. Стоит отметить, что термин «фиктивный брак» в отечественной практике появился лишь в 1949 г., а законодательно был закреплен лишь в конце 60-х гг. XX в. [15, с. 19]. В современном законодательстве «фиктивный брак» признается одним из правонарушений, в случае «если супруги или один из них зарегистрировал брак без намерения создать семью»².

Такого намерения, как мы понимаем, у Остапа Бендера вовсе не было. Пропустив эпизод со свадьбой, остановимся на сцене кражи стула:

«В пять часов утра явился Остап со стулом... Остап вынул из бокового кармана золотую брошь со стекляшками, дутый золотой браслет, полдюжины золоченых ложечек и чайное ситечко.

Ипполит Матвеевич в горе даже не сообразил, что стал соучастником обыкновенной кражи.

– Пошлая вещь, – заметил Остап, – но согласитесь, что я не мог покинуть любимую женщину, не оставив о ней никакого воспоминания...» [11, с. 139, 141].

В данном эпизоде вряд ли можно привлечь Ипполита Матвеевича к уголовной ответственности, потому что он к ней никакого отношения не имел, а также ни словом, ни делом ей не способствовал и даже не знал о ее совершении. Если рассматривать советскую экранизацию «12 стульев» 1971 г., мы видим, что он вскрыл стул во время свадьбы Бендера и Грицацуевой. Данное деяние можно оценивать по ст. 175 УК РСФСР 1926 г.: «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам», за совершение которого устанавливалось наказание в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок до шести месяцев или штрафа до пятисот рублей [11, с. 44]. Что касается Бендера, то его действия, по мнению автора, можно отнести к п. «а» ст. 162 УК РСФСР 1926 г. как «Тайное похищение чужого имущества (кража)», которое было совершено «без применения технических средств, в первый раз и без сговора с другими лицами» и наказывалось также в виде лишения свободы или исправительно-трудовых работ на срок до трех месяцев [11, с. 41].

Нельзя также забывать о создании Остапом тайной подпольной организации с целью якобы свергнуть советскую власть – «Союз меча и орала».

² Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (с изменениями на 04 августа 2022 г.) (редакция, действующая с 01 сентября 2022 г.). URL: https://www.gov.spb.ru/static/writable/ckeditor/uploads/2022/09/23/38/Semeiniy_kodeks_RF_red_04.08.2022.pdf (дата обращения: 06.05.2023).

Поначалу можно подумать, что данное деяние стоит отнести к ст. 58¹, высшей мерой наказания которого являлся расстрел. Тем не менее план Бендера выглядел несколько иначе:

«Строгий секрет! Государственная тайна!.. Тайный союз меча и орала!.. Впрочем, вы можете уйти, но у нас, предупреждаю, длинные руки!

Граждане! — сказал Остап, открывая заседание. Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания — она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи... Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. И те и другие спят в своих постелях и укрываются теплыми одеялами. Одни лишь маленькие дети, беспризорные дети, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь...

Товарищи! — продолжал Остап. — Нужна немедленная помощь... Я приглашаю вас сейчас же сделать свои взносы и помочь детям, только детям и никому другому...

Всего, провозгласил Остап, четыреста восемьдесят восемь рублей. Эх! Двенадцати рублей не хватает для ровного счета» [11, с. 135].

Очевидно, что Остап, воспользовавшись доверчивостью членов союза в отношении беспризорных детей, раздобыл вышеуказанную сумму денег, не имея желаний использовать их по назначению, что точно подпадает под действие ст. 169: «Мошенничество».

Следующий эпизод для привлечения к уголовной ответственности Бендера — нанесение побоев Кисе на аукционе по причине пропитых «пятнадцати процентов комиссионного сбора» (ст. 146). Однако великого комбинатора можно понять, поскольку из-за нехватки достаточной денежной суммы была упущена возможность приобрести все десять стульев, в одном из которых могли быть спрятаны бриллианты.

Остановимся на эпизоде по приобретению стула у инженера Э. П. Щукина, которому Бендер помог вернуться в свою квартиру и избежать ущемлений со стороны соседей:

«А я к вам по делу, товарищ Щукин.

Чрезвычайно буду рад вам служить.

Гран мерси. Дело пустяковое. Ваша супруга просила меня к вам зайти и взять у вас этот стул...

Да, пожалуйста! — воскликнул Эрнест Павлович. Я очень рад...

Инженер засуетился и проводил великого комбинатора...» [11, с. 236–237].

Данные действия аналогично предусмотрены ст. 169 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. Чтобы заполучить стул, Бендер намеренно искажил факты о просьбе Элочки отдать гарнитур ей, введя тем самым в заблуждение ее мужа. Вдобавок Щукин осознанно отдал стул Бендеру, не задумавшись о степени его прав на него. Если говорить о приобретении стула у Людоедки Элочки, то здесь Остап закон не нарушал, ввиду того что была достигнута договоренность об обмене стула на чайное ситечко.

Авторами романа также превосходно был представлен процесс выноса стула у комика А. В. Изнуренкова

«Изнуренков здесь живет? Это вы и есть?».

Что же это, товарищ, жестко сказал Бендер, – это совсем не дело – прогнать казенного курьера³... Сейчас мебель буду вывозить. Попрошу вас очистить стул...

С этими словами Остап схватил стул и потряс им в воздухе.

Вывожу мебель! – решительно заявил Бендер.

Авессалом Владимирович бежал за стулом до самого угла...» [11, с. 242].

Поначалу можно подумать, что великий комбинатор приобрел этот стул посредством мошенничества. Однако было ли так на самом деле? Ведь Остап не представлялся судебным исполнителем, не вводил в заблуждение и не обманывал Авессалома. Он просто вошел в квартиру, помахал обычным листком бумаги и открыто забрал стул. Если учесть, что вся мебель в квартире Изнуренкова была описана судебным исполнителем еще до прихода Бендера к Авессалому, то теоретически можно говорить об открытом хищении чужого имущества или иначе «грабеже» (ст. 165). Но и здесь присутствует оговорка. Осознавал ли Изнуренков незаконность действий комбинатора? Маловероятно. Если он бы понимал, то предъявить обвинения Бендеру в грабеже представлялось весьма несложным. Как бы то ни было решение данной загадки Ильфа и Петрова, а также юридические мнения по этому эпизоду могут быть разными как в плане правомочности действий Остапа, так и в плане того, виновен ли он.

Рассматривая процессы вскрытия трех стульев: первого – у автора знаменитой «Гаврилиады», безуспешного поэта Н. Ляписа-Трубецкого; второго – в редакции газеты «Станок» и третьего – на борту парохода «Скрябин», – можно было квалифицировать эти эпизоды по ст. 79 и 175: «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего государственным учреждениям или предприятиям, а также общественным организациям» и «Умышленное истребление или повреждение имущества, принадлежащего частным лицам» [11, с. 26, 44].

³ Роли курьера в данном деле исполнял Киса Воробьянинов.

Теперь изучим аферу, совершенную «гроссмейстером» Бендером в организации межпланетного шахматного конгресса в г. Васюки. Арендовал клуб за три рубля и объявив о проведении сеанса одновременной игры, «гроссмейстер», который знал единственный ход в шахматах, а именно е2–е4, вне всяких сомнений завоевал доверие у главы васюкинского шахматного сообщества путем сообщения ложных сведений о себе и цели своего приезда, описав «ослепительные перспективы» развития Васюков.

«Не беспокойтесь, – сказал Остап, – мой проект гарантирует вашему городу неслыханный расцвет производительных сил... Жители Москвы, стесненные жилищным кризисом, бросятся в ваш великолепный город. Столица автоматически переходит в Васюки. Сюда приезжает правительство. Васюки переименоваются в Нью-Москву, Москва – в Старые Васюки... Нью-Москва становится элегантнейшим центром Европы, а скоро и всего мира...»

Повторяю, что практически дело зависит от вашей самостоятельности. Всю организацию, повторяю, я беру на себя. Материальных затрат никаких, если не считать расходов на телеграммы.

Сколько же нужно денег на... это... телеграммы?

Смешная цифра, – сказал Остап, – сто рублей.

У нас в кассе только двадцать один рубль шестнадцать копеек. Этого, конечно, мы понимаем, далеко не достаточно...

Но гроссмейстер оказался покладистым организатором.

Ладно, сказал он, – давайте двадцать рублей.

А хватит? – спросил одноглазый.

На первичные телеграммы хватит. А потом начнутся пожертвования, и денег некуда будет девать» [11, с. 314–315].

Прибавим также сюда еще выручку, полученную с продаж билетов Воробьяниновым на лекцию Бендера «Плодотворная дебютная идея». В результате получается, что оба персонажа путем обмана сумели достать 56 рублей 16 копеек. Это приравнивается к все той же ст. 169 УК РСФСР 1926 г., но уже с ч. 2: «Мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению» [11, с. 44].

Перейдем к нескольким преступлениям, совершенным великим комбинатором в Пятигорске. Одно из них – организация кражи двух стульев из театра Колумба, гастролировавшего там, посредством привлечения монтера Мечникова. Данное преступление по Уголовному кодексу РСФСР 1926 г. оценивалось п. «г» ст. 162 («кража») как «совершенное из государственных и общественных складов ... и иных хранилищ... по сговору с другими лицами или неоднократно». Кража еще одного стула (одиннадцатого по счету), совершенная также в театре Колумба в Ялте, чуть

не стоила жизни персонажам из-за большого крымского землетрясения. Она карается той же статьей, что и эпизод в Пятигорске, но уже с п. «в».

Сложно также пропустить такую сферу деятельности Остапа, как занятие бродяжничеством и частично попрошайничеством. Стоит вспомнить, как он добывал деньги на хлеб себе и Кисе во время перехода по Военно-Грузинской дороге:

«Перед следующей машиной, которая оказалась автобусом, шедшим из Тифлиса во Владикавказ, плясал и скакал сам технический директор.

Давай деньги, Деньги давай! – закричал он сердито.

Смеющиеся пассажиры щедро вознаградили его прыжки. Остап собрал в дорожной пыли тридцать копеек... В этих занятиях концессионеры проводили свои дни» [11, с. 358]. Не стоит забывать, что Бендер и Воробьянинова заставил попрошайничать:

«Мосье, же не манж па сис жур... Подайте что-нибудь на пропитание бывшему депутату Государственной Думы...» [11, с. 337].

Данные действия достаточно сложно определить с позиции советского уголовного законодательства, т. к. во времена походов Бендера статья по борьбе с бродяжничеством, беспризорностью несовершеннолетних, попрошайничеством абсолютно отсутствовала. Она появилась лишь в послевоенное время, когда уровень этого социального явления значительно возрос [16, с. 111].

Таким образом, почитание Остапом Бендером Уголовного кодекса выглядит далеко неоднозначным. В данной статье представлены, конечно, не все его подвиги и деяния, не укладывающиеся в рамках закона. Однако уже исходя из всего вышепредставленного можно говорить, что в первом романе Ильфа и Петрова главный персонаж представлен как «истинный уголовник».

Заседание продолжается!

Ссылки

1. Нейстат А. А. Формирование правосознания и художественная литература в советской России 1917–1929 гг.: дис... канд. юрид. наук. М., 2000. 310 с.
2. Крыленко Н. Новый уголовный кодекс // К итогам 2-й сессии ВЦИК XII созыва: (сборник). М., 1926. С. 26–35.
3. Иодковский А. Новый уголовный кодекс // Еженедельник советской юстиции. 1926. № 36. С. 1057–1058.
4. Строгович М. С. Реформа уголовного кодекса // Советское право. 1926. № 1. С. 52–58.

5. Ширяев В. Уголовный кодекс РСФСР в редакции 1926 г. // Право на жизнь. 1927. Кн. 4. С. 51–59.
6. Эстрин А. Я. УК РСФСР 1926 г. и Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик // Еженедельник советской юстиции. 1929. № 4. С. 75–78.
7. Эстрин А. Я. Советское уголовное право. Вып. 1: Основы и истории уголовного права. М.: Сов. законодательство, 1935. 152 с.
8. История советского государства и права: в 3 кн. Кн. 2: Советское государство и право в период строительства социализма (1921–1935 гг.). М.: Наука, 1968. 622 с.
9. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 г.: концептуальные основы и общая характеристика: дис. канд. юрид. наук. Ульяновск, 2009. 192 с.
10. Так говорил Остап Бендер. Изд. 2-е. Ростов-на-Дону: Феникс, 2015. 80 с.
11. Ильф И., Петров Е. Двенадцать стульев. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. 384 с.
12. Уголовный кодекс РСФСР редакции 1926 г. М.: Юрид. изд-во НКЮ РСФСР, 1929. 112 с.
13. Анцелович М. Получение, дача и провокация взятки по УК редакции 1926 г. // Еженедельник советской юстиции. 1927. № 16. С. 475–477.
14. Волженкин Б. В. Взятничество в истории советского законодательства (1918–1927 гг.) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1993. № 2. С. 59–67.
15. Алешина О. В. Фиктивный брак: проблема противодействия правонарушению // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 1. С. 18–22. EDN XBIAPH.
16. Бучакова М. А. Правовое регулирование борьбы с бродяжничеством, тунеядством и попрошайничеством в Советской России // Педагогика в правоохранительных органах. 2022. Т. 27, № 1. С. 109–112.